

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

ЧТО УМЕЮТ ТАНКИСТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

ЧТО УМЕЮТ ТАНКИСТЫ

РИСУНКИ
В. ШЕВЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ЛЕНИНГРАД 1972

Однажды пришлось мне работать в военной газете. Был я ещё новичком, как следует и осмотреться в редакции не успел, когда вызвал меня главный редактор и говорит:

— Вот вам первое задание. Поезжайте-ка к танкистам. Поглядите, что там есть интересного. Напишите заметку в следующий номер. Желаю успеха.

И я поехал к танкистам.

О ЧЁМ Я ДУМАЛ, ПОКА ЕХАЛ

Если говорить откровенно, ехать тогда к танкистам мне не очень хотелось. С большим бы удовольствием я поехал к ракетчикам или, например, вертолётчикам.

И вот почему.

Как прославились наши танкисты во время Великой Отечественной войны, это я хорошо знал. Как боялись наших могучих танков фашисты — это тоже ни для кого не секрет.

Но с тех пор уже прошло много лет.

Очень сильно с тех пор изменилась наша армия.

Вместо „ястребков“ в небе появились реактивные истребители, которые летают быстрее звука.

Вместо зенитных пушек — ракеты.

Вместо обыкновенных автомобилей — бронетранспортеры и мощные вездеходы.

Нет, совсем не узнать стало нашу армию.

И только танк так и остался танком.

Вот о чём я думал, пока ехал к танкистам.

ПИСАРЬ ВЕРЁВКИН

Так уж складывались мои дела в этот день, что мне всё время приходилось кого-то разыскивать.

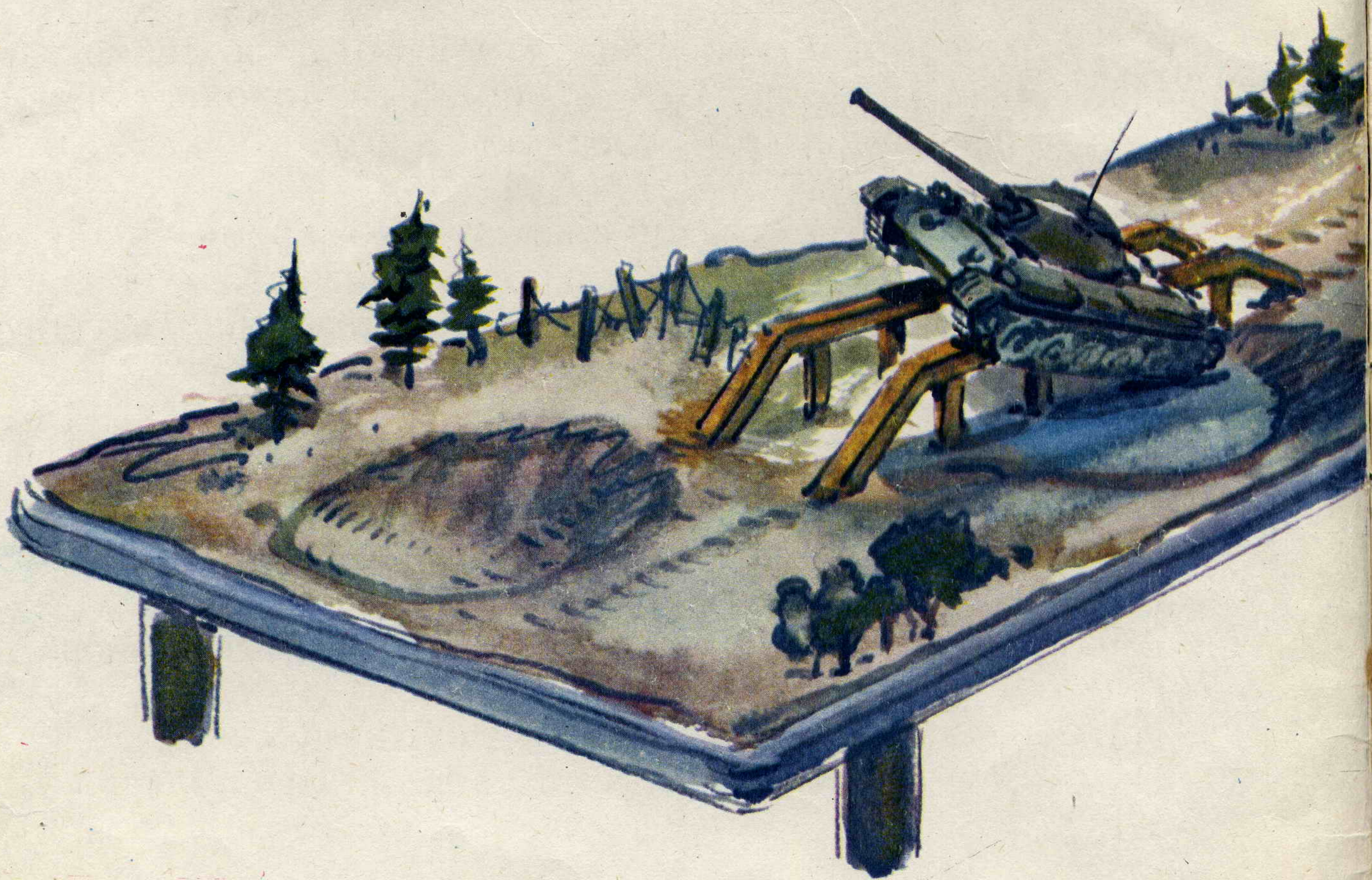
И когда я приехал к танкистам, то оказалось, что мне прежде всего надо отыскать сержанта Пирожкова. Потому что это был именно тот человек, который мог рассказать мне великое множество разных историй и случаев, необходимых для газеты.

И я отправился на поиски Пирожкова. Вошёл в двухэтажный корпус, открыл первую дверь и остановился в удивлении.

Посредине большой комнаты на железной круглой табуретке сидел солдат. Солдат был очень худой и очень печальный.

Он не заметил меня, потому что внимательно смотрел прямо перед собой.

А прямо перед ним бегал игрушечный зелёный танк.

Игрушечный танк бежал по игрушечной дороге среди игрушечных деревьев. Вот он поднялся на игрушечный холм, съехал с него и оказался перед игрушечным мостом.

На секунду он замер, словно в нерешительности, потом дёрнулся и въехал на мост.

Мост был очень узким, и одна гусеница игрушечного танка повисла над пропастью. Ещё мгновение — танк накренился и упал с моста.

— Опять! — расстроено сказал солдат и встал. Он подошёл к маленькому танку, бережно перевернул его и поставил на дорогу.

И тут он увидел меня. Я думал, что он смутится, но он даже не покраснел, как будто не было ничего странного в том, что взрослый солдат играет в игрушки.

— Простите, — сказал я. — Вы не Пирожков?

— Нет, — ответил солдат. — Я — Верёвкин. Писарь Верёвкин.

Потом он спокойно вернулся на своё место, и только теперь я разглядел, что справа и слева от табуретки были рычаги — точно такие, какие бывают в кабине трактора или танка. Верёвкин положил руки на рычаги, а ногой нажал на педаль.

И маленький зелёный танк опять побежал по жёлтой дороге. Верёвкин тронул правый рычаг, и танк послушно повернул вправо. Верёвкин нажал левый рычаг, и танк сделал поворот влево.

И тут я начал догадываться, в чём дело.

Солдат учился водить танк!

Сейчас он как бы сидел в настоящем танке и передвигал настоящие рычаги и внимательно следил, как машина повинуется ему.

Вот игрушечный танк добежал до моста и снова — хлоп! — рухнул вниз.

— Никак!

Верёвкин вздохнул, и я почувствовал, что ему хочется поговорить со мной.

Через несколько минут я знал его грустную историю.

С детства мама считала его болезненным ребёнком. Бабушка убирала за ним постель, а папа решал за него задачи. Учителя говорили, что он способный, но ленивый мальчик. И жизнь Верёвкина шла легко и беззаботно. Учился он на тройки, и если чем-нибудь мог похвалиться, так это красивым, чётким почерком. И поэтому, когда он прибыл в армию, его назначили штабным писарем.

Сначала Верёвкин очень обрадовался такой удаче, потому что быть писарем — это гораздо легче, чем управлять танком, мыть его и чистить. И переписывать бумажки намного приятнее, чем ходить на морозе в строю или ползать по-пластунски.

Но чем дольше сидел Верёвкин в штабе, тем печальнее ему становилось.

Каждый день сюда доносился грохот танков. Товарищи Верёвкина водили танки и стреляли из пушек, а он по-прежнему всё переписывал бумажки.

И особенно грустно становилось ему, когда получал он письма от своего младшего брата, третьеклассника Пети Верёвкина, потому что Петя каждый раз просил старшего Верёвкина рассказать, как идёт служба.

А о чём мог рассказать Верёвкин?

Разве что о том, каким красивым почерком переписывает он разные бумаги.

И тогда он пошёл к командиру и попросил, чтобы его перевели в танковое подразделение.

И командир всё понял и даже похвалил Верёвкина за то, что тот больше не ищет лёгкой жизни.

— И вот теперь, — сказал бывший писарь Верёвкин, — скоро мне разрешат водить настоящий танк...

Он вздохнул и снова сел за рычаги.

А я осторожно закрыл за собой дверь и пошёл дальше.

ПОКА САМ НЕ ПОПРОБУЕШЬ...

Я шагал и думал о писаре Верёвкине и не заметил, как очутился возле одноэтажного квадратного здания.

Я вошёл в это здание и удивился ещё больше, чем полчаса назад, когда увидел Верёвкина с его игрушечным танком.

Здесь был бассейн.

А возле бассейна стояли солдаты.

Неужели это тоже танкисты? А может быть, моряки-подводники? Или спортсмены-аквалангисты? Или водолазы?

Такой был у них вид.

Спасательные пробковые жилеты аккуратно затянуты тесёмками. Резиновые маски на лицах. Большие противогазные коробки на груди. И сами раздеты до трусов.

Разве догадаешься, что это танкисты?

Дело ли танкистов лазать под воду?

— А как же! — сказал мне офицер, руководитель занятий. — Это раньше танки умели ходить только по суше. А теперь и под водой, по дну реки научились ходить. Вот и танкистам обязательно надо уметь работать под водой. На всякий случай. Мало ли что может приключиться.

Конечно, я сразу забыл, что мне нужно искать сержанта Пирожкова. Я стоял возле бассейна и наблюдал за всем, что здесь происходит.

И вот что я увидел.

Двое солдат надели маски и исчезли под водой. Только лёгкие большие поплавки теперь качались на поверхности. Да сигнальные верёвки тянулись из-под воды. Поплавок побежит вперёд — значит солдат под водой вперёд двинулся. Замерёт поплавок на месте — значит солдат остановился.

Под водой солдаты, оказывается, не просто бродили, как душе угодно. Они работали.

Один поднял тяжёлый стальной трос и поволок за собой.

И другой солдат тоже взял стальной трос.

Два поплавка двинулись по воде.

А рядом со мной стоял старшина и внимательно смотрел на часы.

Пять минут. Семь. Десять... Сколько же солдаты продержатся под водой?

Наконец-то всё. Отлично. Можно вылезать.

Солдаты выбрались из воды. Сняли маски. У них были красные, распаренные лица, словно после бани. Но

смеялись солдаты весело. И отряхивались, точно после купания в речке.

И я подумал: „Вот это занятия! Просто не занятия, а одно сплошное удовольствие!“

И мне во что бы то ни стало захотелось тоже спуститься под воду.

Конечно, я тут же сказал об этом командиру.

Командир пристально посмотрел на меня.

— А сумеете?

— Да что ж тут не сумеет! — усмехнулся я. А про себя подумал: „Что, я не нырял никогда, что ли? Подумаешь — сложность!“

— Ладно, — сказал командир. — Только если что — сразу за сигнальную верёвку дёргайте.

Я разделся, надел спасательный жилет, примерил противогазную маску. Зажал нос проволочным зажимом, в рот вставил резиновый загубник — это для того, чтобы дышать только ртом.

Старшина ловко обвязал меня вокруг пояса верёвкой. Я покосился через противогазные очки на эту верёвку, но ничего не сказал: надо — так надо.

В руки мне дали груз — мешок с песком.

А это для чего ещё?

Ах да, это чтобы вода меня на поверхность не выталкивала.

И я начал спускаться по железной лесенке.

Осторожно ступил на дно. Сделал шаг, другой. Ничего, вроде бы получается.

Только дышать тяжело. Давит вода на грудь.

Ещё шаг, ещё...

И тут вдруг сбился с дыхания. Сразу почувствовал — мало воздуха! Начал хватать воздух ртом — ещё хуже! Словно подушку мне на лицо положили.

Оглянулся по сторонам — кругом вода колышется. Одинаковая. Куда идти?

В ушах зазвенело. В глазах тёмные круги пошли.

Ещё не хватало, чтобы меня за верёвку вытягивали!

Бросился в одну сторону, в другую — совсем запутался.

„Спокойнее, — говорю себе. — Спокойнее“.

Ещё раз огляделся и сквозь воду угадал чёрные перекладыны лесенки. Значит, совсем недалеко отошёл.

Выбрался из бассейна, стянул маску. Ах, как хорошо — свежий воздух! Дыши — не надышишься!

Командир спрашивает:

— Ну как?

— Ничего, — отвечаю.

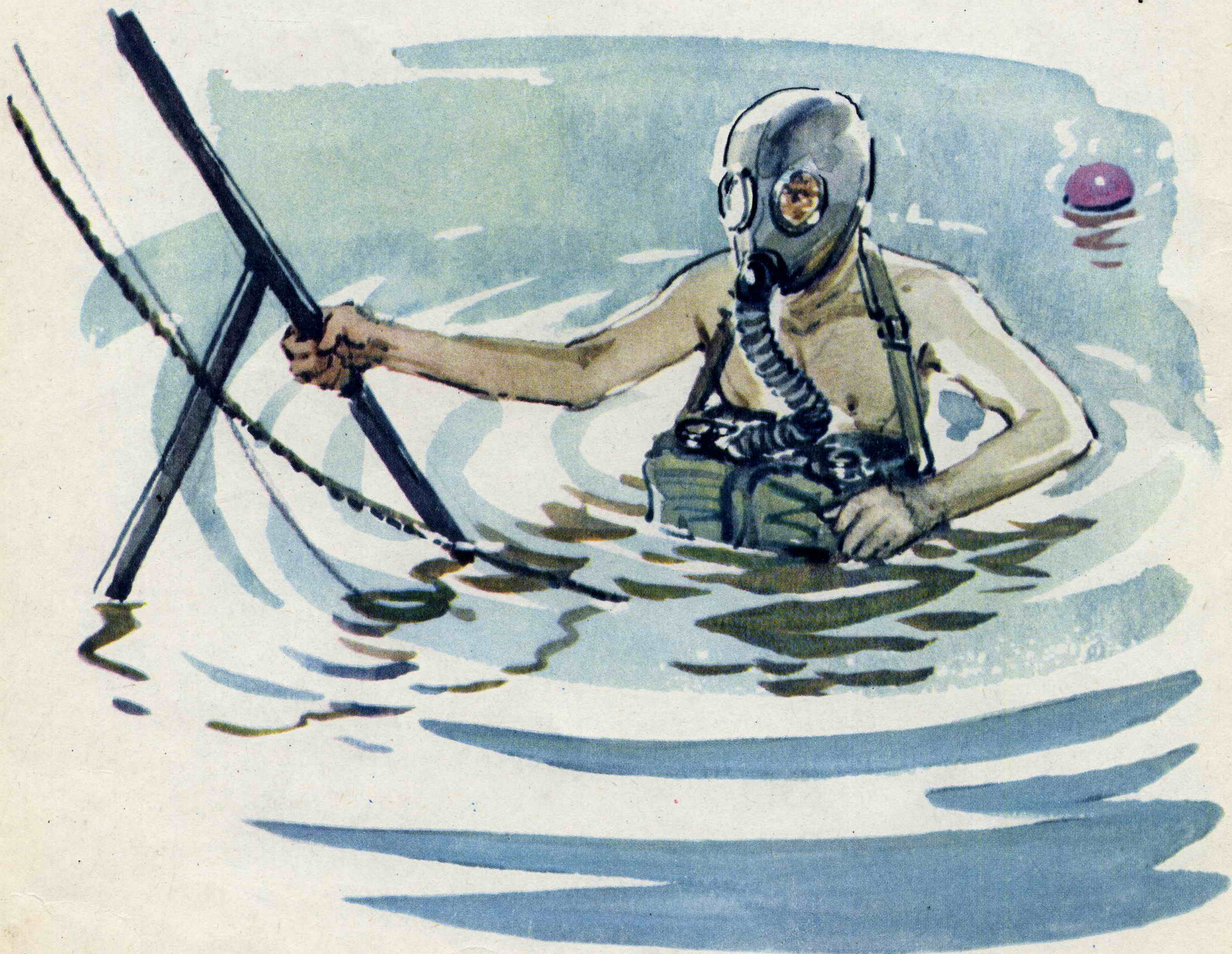
Но он, наверно, по моему лицу и сам всё понял.

— В первый раз, — говорит, — всем трудно бывает. Без тренировки.

Потом я вытирался полотенцем и с уважением посматривал на солдат, которые готовились спускаться в бассейн. Я-то и пяти минут под водой не пробыл, а выскочил, как пробка. А они сколько работают! Да ещё тяжеленный трос таскают! Каково им?

И ещё я думал про себя:

„Со стороны-то, выходит, любое дело лёгким кажется. Пока сам не попробуешь“.

КАК Я ЖДАЛ ПИРОЖКОВА

Сержанта Пирожкова я отыскал в танковом парке. Вот уж где было интересно — так интересно!

Никогда в жизни я не видел сразу столько танков. Повсюду стоял звон и грохот. Около танков возились солдаты в чёрных промасленных комбинезонах.

Сержант Пирожков проверял рацию в своём танке. Он крутил ручки настройки и щёлкал переключателями. Оказывается, танкист должен быть ещё и умелым радистом.

Я не стал мешать Пирожкову.

Я решил, что дождусь перекура и тогда поговорю с ним. Я был уверен, что ждать мне придётся недолго.

Когда-то я сам служил в армии и знал, что солдаты всегда не прочь перекурить. Потому что во время перекура обязательно кто-нибудь расскажет какую-нибудь весёлую историю. А после нелёгкой работы нет лучше отдыха, чем как следует посмеяться.

И вот я отошёл в сторонку и стал терпеливо ждать.

Отсюда мне было хорошо видно всё, что делалось в парке.

Трое солдат натягивали на катки танка тяжёлую гусеницу.

Двое других протащили небольшие зелёные ящики.

Кто протирал ветошью приборы, кто возился в двигателе, кто, забравшись под танк, орудовал гаечным ключом.

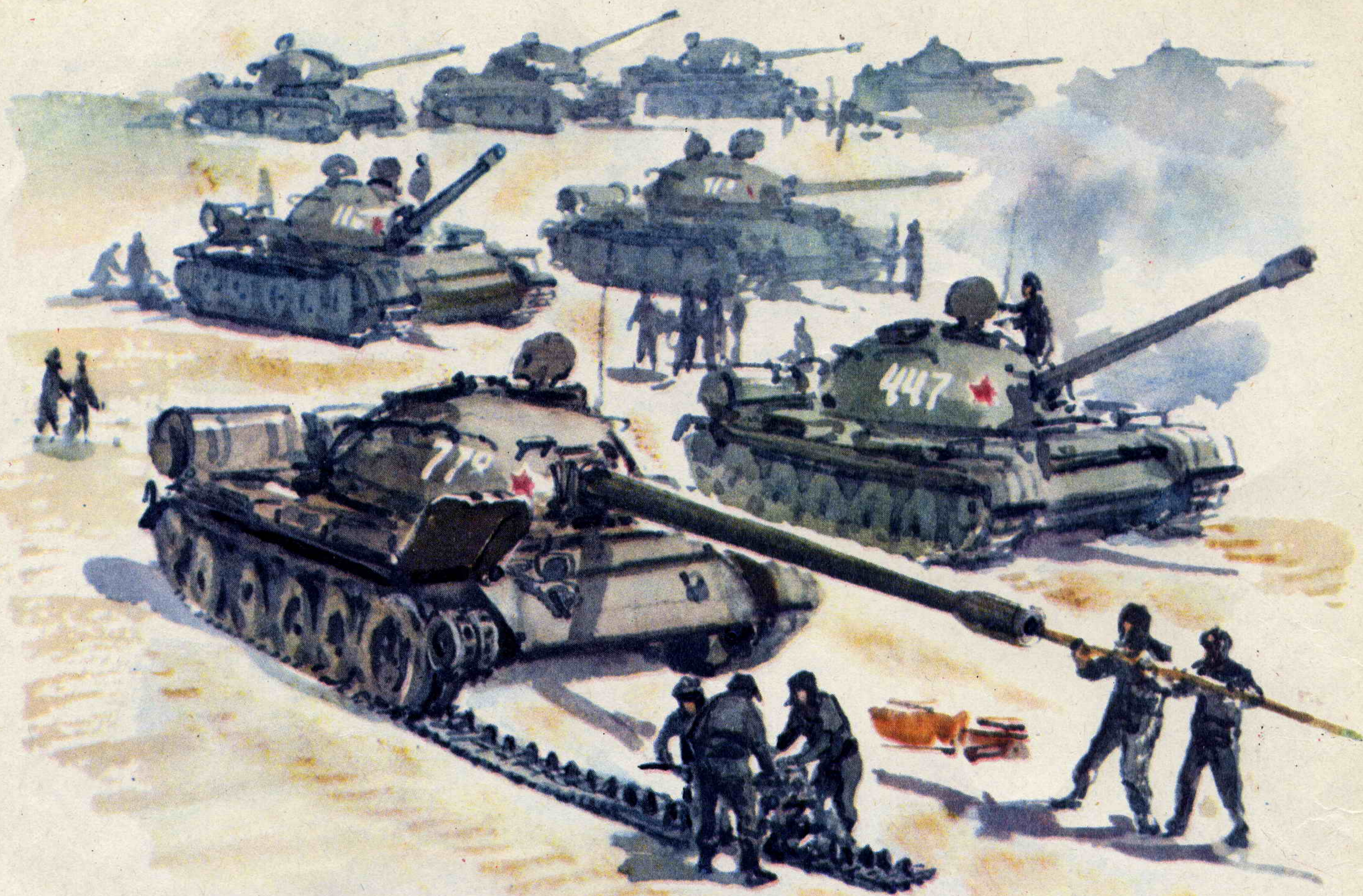
Все были заняты работой.

Так прошёл час, а перекура всё не было.

— Ничего, — сказал я себе. — Уже недолго ждать. Это точно.

Один танк поводил из стороны в сторону стволом пушки, словно прицеливался. На другом танкисты прогревали двигатель. Они раскрывали рты и что-то кричали друг другу, но что, я не слышал — такой стоял грохот.

Я посмотрел на часы. Прошло ещё сорок минут. Перекура всё не было.

„Ну уж теперь-то, — подумал я, — совсем скоро“.

Солдаты время от времени скрывались в люках танков, и снова появлялись на броне, и опять исчезали в своих машинах. Руки у всех были чёрные и лица тоже перепачканы.

Так прошёл ещё час. Я почувствовал, что моё терпение кончается. И тут я увидел сержанта Пирожкова.

Он торопился куда-то с гаечным ключом в одной руке и с промасленной тряпкой — в другой. И лицо у него было озабоченным.

Я поймал его за рукав комбинезона.

— Послушайте, сержант Пирожков, — сказал я, — у вас будет когда-нибудь перекур или нет?

Пирожков засмеялся:

— Так у нас весь экипаж некурящий! Был один курильщик — наводчик наш, — так и тот позавчера бросил!

И добавил серьёзно:

— У нас, у танкистов, ведь как — поработаешь сейчас хорошо, и танк тебя не подведёт на учениях. Поработаешь с прохладцей, и танк тебе тем же отплатит — намучаешься потом. Так что сейчас нам не до перекуров. Приходите вечером в казарму, поговорим.

И сержант Пирожков побежал дальше.

ПРЕПЯТСТВИЕ

Вот какую историю рассказал мне вечером в казарме сержант Пирожков.

— Есть у меня друг — Володя Кукушкин. Во всей роте — да что в роте! — во всём полку считается он лучшим механиком-водителем.

Про него наш командир, лейтенант Громыхалов, всегда говорил:

— Нет такого препятствия, которое не смог бы преодолеть танк, если им управляет рядовой Кукушкин.

А другой наш командир, капитан Дегтярёв, говорил:

— Завяжите Кукушкину глаза, он и с завязанными глазами проведёт танк как по ниточке.

А третий наш командир, майор Каратыгин, говорил:

— Запустите танк с Кукушкиным в самое что ни на есть непроходимое болото — он и то выберется.

Другой бы человек на месте Володи Кукушкина, наверно, давно возгордился, но наш Володя Кукушкин оставался таким же скромным парнем, каким был, когда прибыл в армию.

И вот однажды приехали к нам гости — комсомольцы с фабрики из соседнего посёлка. Пришли на танкодром, где учатся солдаты водить свои боевые машины.

— Ну, — говорит лейтенант Громыхалов Кукушкину, — доверяем вам исключительно важное дело — показать, на что способны наши танкисты. И чтобы всё было без сучка и задоринки.

— Есть! — говорит Кукушкин. — Без сучка и задоринки!

Надел он, как положено, комбинезон, надел танковый шлем и забрался в свой танк.

Комсомольцы, наши гости, кто на вышке стоит, чтобы виднее было, кто возле вышки, кто через бинокли смотрит, а кто — просто так. И мы все, солдаты, товарищи Кукушкина, стоим тут же.

Вот подал лейтенант по радио команду: „Вперёд!“

Загрохотал танк, выбросил облако сизого дыма и рванулся с места.

Только пыль взвилась из-под гусениц.

И хоть знаем мы, какой отличный водитель наш друг Кукушкин, а всё равно волнуемся — мало ли что бывает.

И вот мчится танк с Кукушкиным всё вперёд и вперёд.

А на танкодроме, надо сказать, каких только препятствий нет! И крутой подъём на гору, и отвесный спуск, и самый настоящий противотанковый ров, и узенький мост — чуть ошибёшься, и всё, застрял.

Только для нашего Кукушкина все эти препятствия не препятствия.

Одно — позади.

Второе — позади.

Третье — позади.

Молодец Кукушкин! Знай, ребята, наших!

Взобрался танк на гору и аккуратненько спустился.

Нырнул в ров и тут же задрал нос к небу — выбирается.

И уже несётся, грохоча, по прямой к мосту.

Лишь пыль клубится над ним.

— Нет такого препятствия, — объясняет нашим гостям лейтенант Громыхалов, — которое не мог бы преодолеть танк, если им управляет...

И вдруг замолчал лейтенант Громыхалов на полуслове.

Что такое?

Мы даже глазам своим не поверили.

Замер танк, остановился как вкопанный.

Что случилось? Никогда такого не бывало. Неужели отказал мотор?

Видим издали — открывается крышка люка и выбирается Кукушкин из танка.

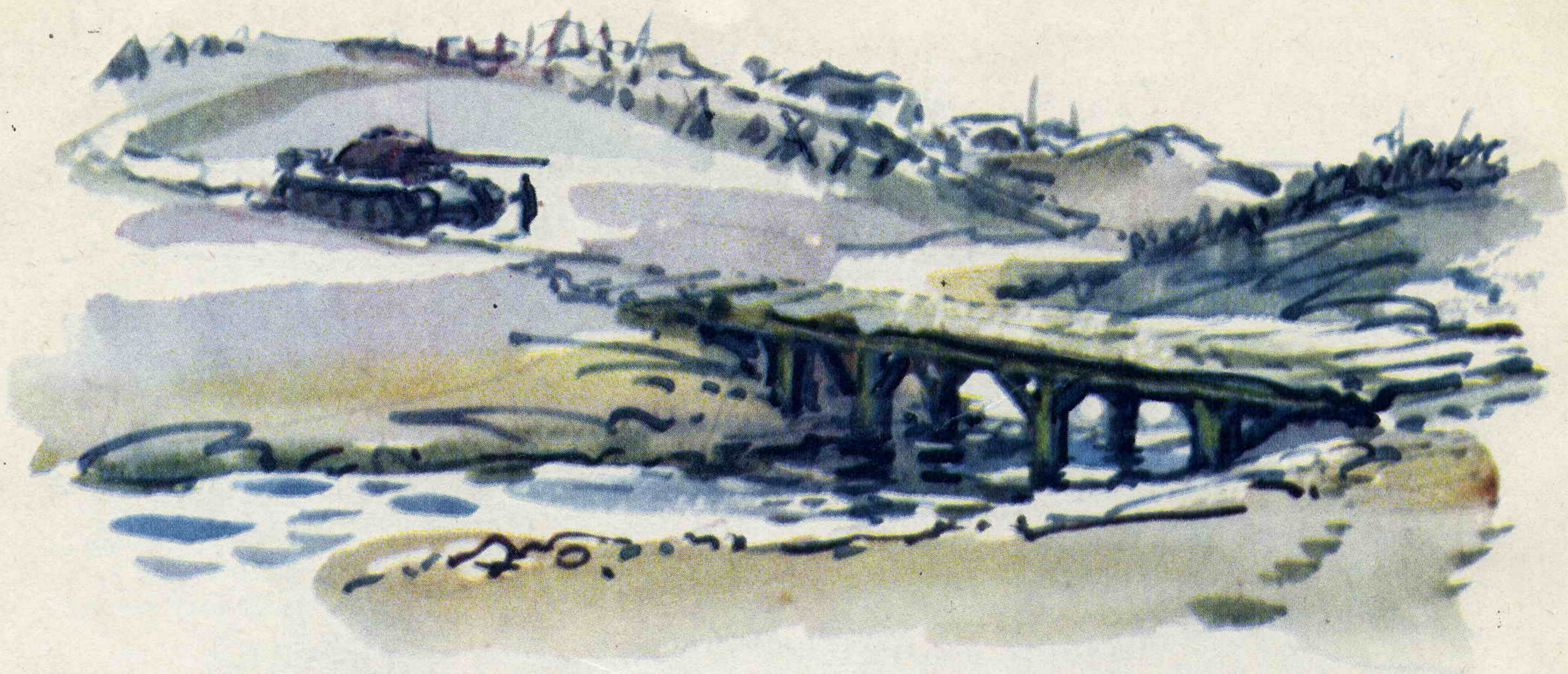
Повозился возле гусеницы и назад — в люк.

Тронулся танк. Но время-то уже потеряно!

Лейтенант от досады даже зажмурился.

— Эх! — говорит. — Надо же, чтобы именно сегодня такое случилось! Подкачал Кукушкин. Опозорился перед нашими гостями!

А танк уже рядом. Откинулась тяжёлая бронированная крышка, и из люка высунулась голова Кукушкина. — Принимайте, — говорит, — пассажира!

А на ладони у него — видим — свернулся маленький ёжик.

— Чуть под самую гусеницу не угодил, — говорит Кукушкин. — И как только я его заметил!

Вот тебе и препятствие!

НА ТАНКОДРОМЕ

Конечно — вы понимаете — теперь я не мог уехать, не отыскав Кукушкина.

А где же был Кукушкин?

Кукушкин был на танкодроме.

Пока я добирался до танкодрома, стало уже совсем темно.

„Эх, — думаю, — опоздал. Кто же будет в такой темноте заниматься?“

Но вижу — возле вышки, у фонаря, стоят танкисты.

А где-то совсем рядом в темноте танк грохочет.

Грохот всё ближе, ближе. Нарастает.

Мне даже не по себе стало. Долго ли танку в такой темноте на человека наскочить? Я, на всякий случай, поближе к фонарю подошёл — чтобы меня виднее было.

И тут из темноты танк вынырнул.

Фары не светятся. Тёмный весь.

Остановился танк. Сразу тихо стало.

Открылся люк, и из него выпрыгнул невысокий солдат.

— Товарищ майор, — докладывает командиру, — рядовой Кукушкин упражнение выполнил!

„Что за чудеса? — думаю. — Я в такой темноте в двух шагах ничего не вижу. Как же он танк водит?“

Наверно, я вслух эти слова произнёс, потому что майор дотронулся до моего локтя и говорит:

— Ну-ка, товарищ корреспондент, забирайтесь в танк! А теперь смотрите.

Взглянул я в смотровой прибор и ахнул! Что такое? Вижу дорогу, залитую зеленоватым светом. И каждый камень вижу. И дерево справа от дороги вижу. И кусты слева темнеют.

Может быть, пока я в танк забирался, луна вышла?

На всякий случай я даже наружу выглянул. Нет, по-прежнему вокруг кромешная тьма. Хоть глаз выколи.

Снова к смотровому прибору приник.

Дорога. Камень. Кусты. Всё видно.

Прямо волшебство какое-то!

— Что? — смеётся майор. — Глазам не верите? Такие у нас теперь приборы есть, что и в темноте видят.

— Да, — говорю. — Здорово. Даже вылезать не хочется.

— А вы и не вылезайте, — говорит майор. — Сейчас мы домой отправляемся. Поедете вместе с нами.

И я поехал в танке, как настоящий танкист.

РАБОТА ИДЁТ НОРМАЛЬНО

— Что я! — сказал Кукушкин, когда мы вернулись в казарму. — Вот у меня есть друг! Степанов его фамилия. Смелый человек. Можно даже сказать, отчаянный.

И я подумал: наверняка мне теперь предстоит искать этого Степанова. И если дальше дело пойдёт так же, то мне, пожалуй, ещё не скоро удастся вернуться в редакцию.

— В прошлом году тут, недалеко от нас, километров за пятьдесят, обнаружили минное поле. Старое минное поле, ещё от войны осталось. Сотни мин, говорят, там были. И вот сапёры наши поехали разминировать это поле. А вместе с сапёрами должны были отправиться и танкисты — самые опытные механики-водители...

— Зачем же танкисты? — удивился я.

— Как зачем? Помогать сапёрам. Это раньше танк боялся каждой мины. А теперь нет. Теперь впереди танка катится специальное приспособление — трал. Идёт такой танк, медленно идёт и утюжит тралом поле. Вот мины и взрываются.

„А это опасно?“ — хотел спросить я, но не спросил. Конечно, я и сам понимал, что опасно. Недаром говорят, что сапёр ошибается только один раз в жизни.

— Подумали, подумали наши командиры и послали Степанова. Собрался он, взял свой вещмешок и уехал. Уехал, и нет от него писем. Пять дней прошло, десять дней — ничего нет. Я уже переживать начал — мало ли что может случиться. С минами шутки плохи. Наконец почтальон приносит письмо. Разрываю конверт, тороплюсь, волнуясь. Читаю. Да вот, хотите, сами почитайте — сохранилось у меня это письмо.

Кукушкин порылся в тумбочке и протянул мне письмо. Это был помятый тетрадный листок в клеточку, от него пахло соляжкой и бензином.

„Володя, привет! — прочёл я. — Пишет тебе твой друг и однополчанин Николай Степанов. Вот уже десятый день, как я на новом месте. Живу хорошо, только кома-

ры донимают, здесь их тысячи. Обязательно пришли мазь от комаров. А в остальном работа идёт нормально. Больше писать нечего. Привет всем ребятам.

Николай“.

— Я, когда получил это письмо, — сказал Кукушкин, — грешным делом подумал: а может, и правда, там не так опасно. И только потом, когда уже вернулись сапёры, рассказали мне: дважды танк Степанова нарывался на мины с коварным секретом, дважды Степанов был на волосок от смерти. Вот тебе и мазь от комаров!

Я бережно сложил тетрадный листок и отдал Кукушкину.

Я представил себе, как медленно-медленно движется танк Степанова по минному полю, как впереди с грохотом рвутся мины и, свистя, летят осколки, и срезают ветви деревьев, и щёлкают по броне...

Работа идёт нормально.

И понял — пусть я опоздаю в редакцию, пусть со мной делают что хотят, но Степанова повидать мне надо во что бы то ни стало.

— А где... — начал было я, но Кукушкин понял меня с полуслова.

— Где Степанов? — сказал он. — Далёко Степанов. Уехал уже, демобилизовался. Теперь на заводе работает. Испытателем. Новые танки испытывает.

И я пожалел, что так и не увижу этого человека.

О ЧЁМ Я ДУМАЛ, КОГДА ЕХАЛ ОБРАТНО

На другое утро я распрощался с танкистами и отправился назад в редакцию. Наверно, редактор уже ждал меня там и сердился за то, что я так долго не возвращаюсь.

И пока я ехал обратно, я вспомнил, как не хотелось мне отправляться к танкистам, и все свои мысли тогдашние вспомнил, и мне стало даже немножко стыдно.

Сколько нового узнал я за один лишь день!

Оказывается, это только на вид танк не очень изменился. А на самом деле... Он не только метко стреляет.

А ещё ходит под водой.

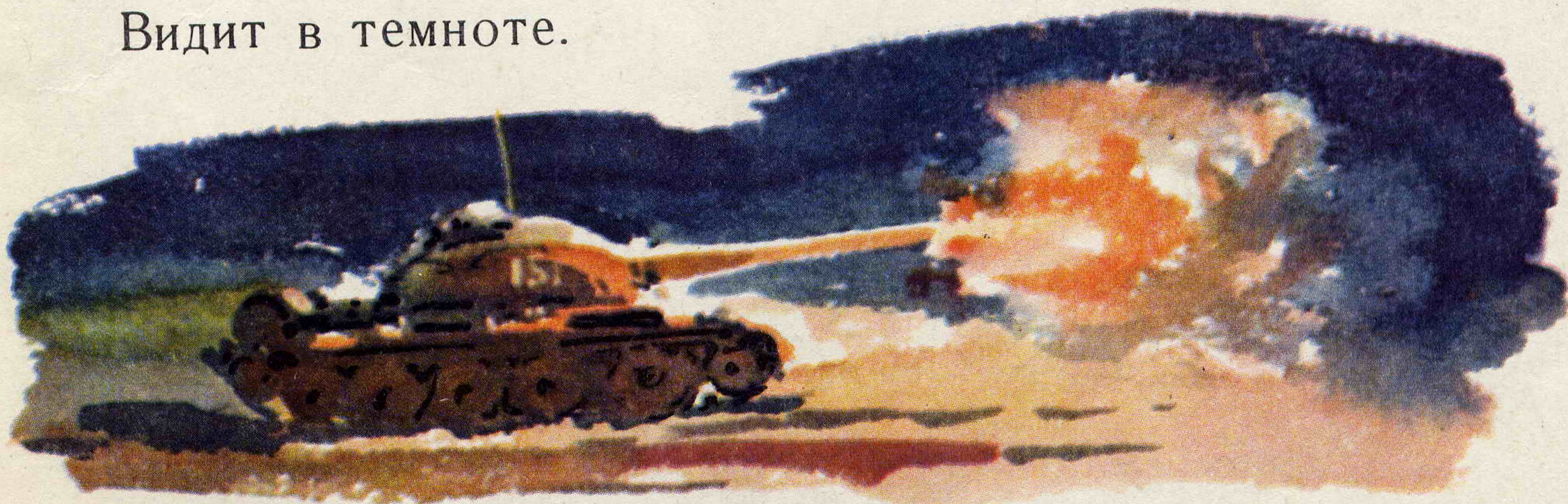
Уничтожает мины.

Преодолевают препятствия.

Видит в темноте.

Вот, оказывается, какая умная машина наш танк! Вот, оказывается, какой сложной и грозной машиной управляют наши танкисты!

ДВАДЦАТЬ СТРОЧЕК

— Ну как? — спросил редактор. — Хорошо съездили? Материал есть?

Он сидел за большим столом и составлял план послезавтрашнего номера газеты.

— Ещё бы! — сказал я.

— Вот и прекрасно, — сказал редактор. — Срочно напишите заметку строк на двадцать.

— На двадцать!

Сначала я очень расстроился. Потому что мне обязательно хотелось рассказать и о бывшем писаре Верёвкине, и о рядовом Кукушкине, и о некурящем экипаже сержанта Пирожкова, и о скромном Степанове и ещё о многом, а разве всё это вместишь в двадцать строчек?

А потом я решил: обо всём, что я видел у танкистов, я непременно напишу целую книжку и назову её „Что умеют танкисты“.

Но это, конечно, после. А пока я пристроился к свободному столу в нашей редакции и стал писать заметку в двадцать строчек.

Потому что, как бы там ни было, а газета обязательно должна выйти в срок.

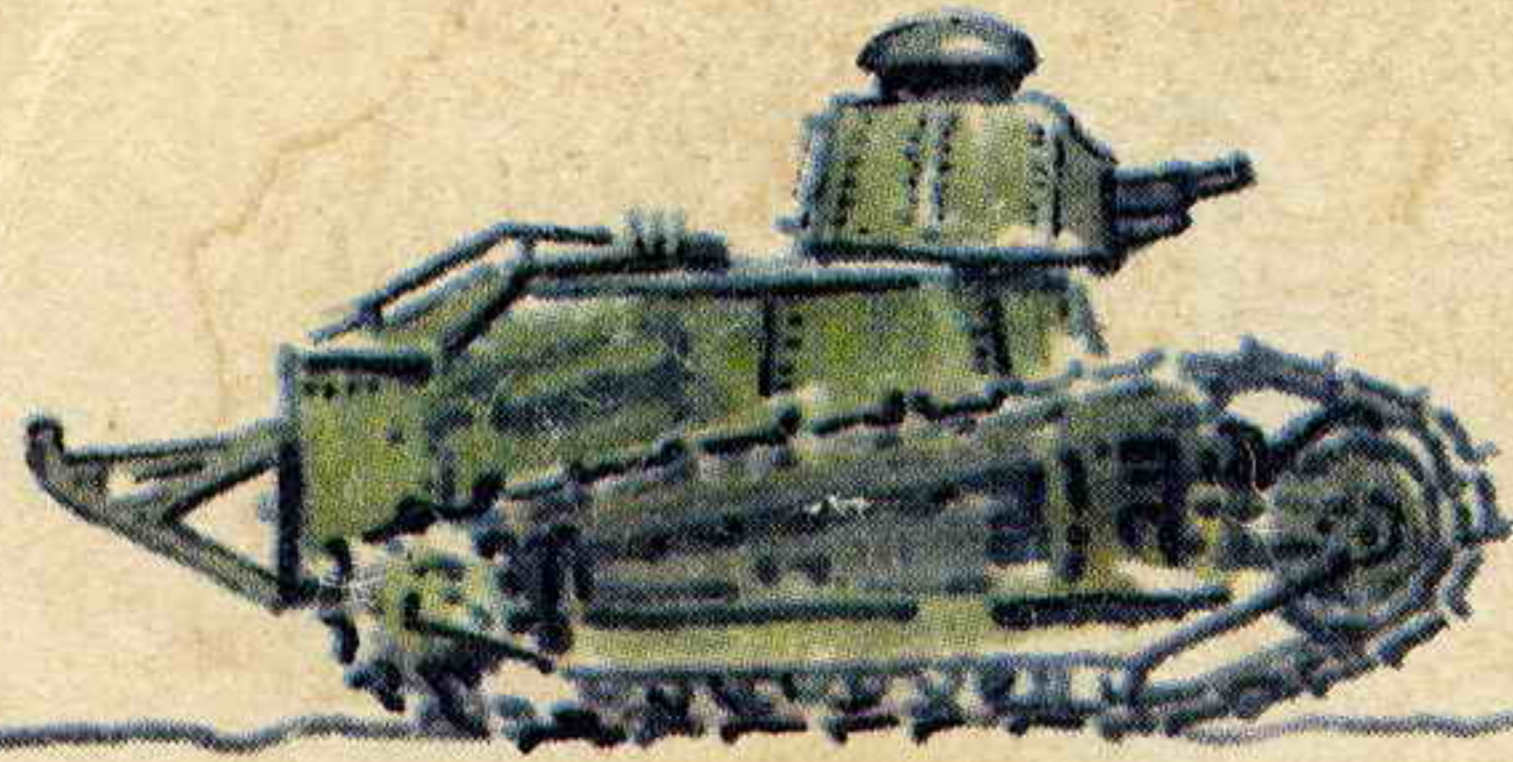

ОГЛАВЛЕНИЕ

О чём я думал, пока ехал	3
Писарь Верёвкин	4
Пока сам не попробуешь...	8
Как я ждал Пирожкова	13
Препятствие	16
На танкодроме	21
Работа идёт нормально	23
О чём я думал, когда ехал обратно	26
Двадцать строчек	28

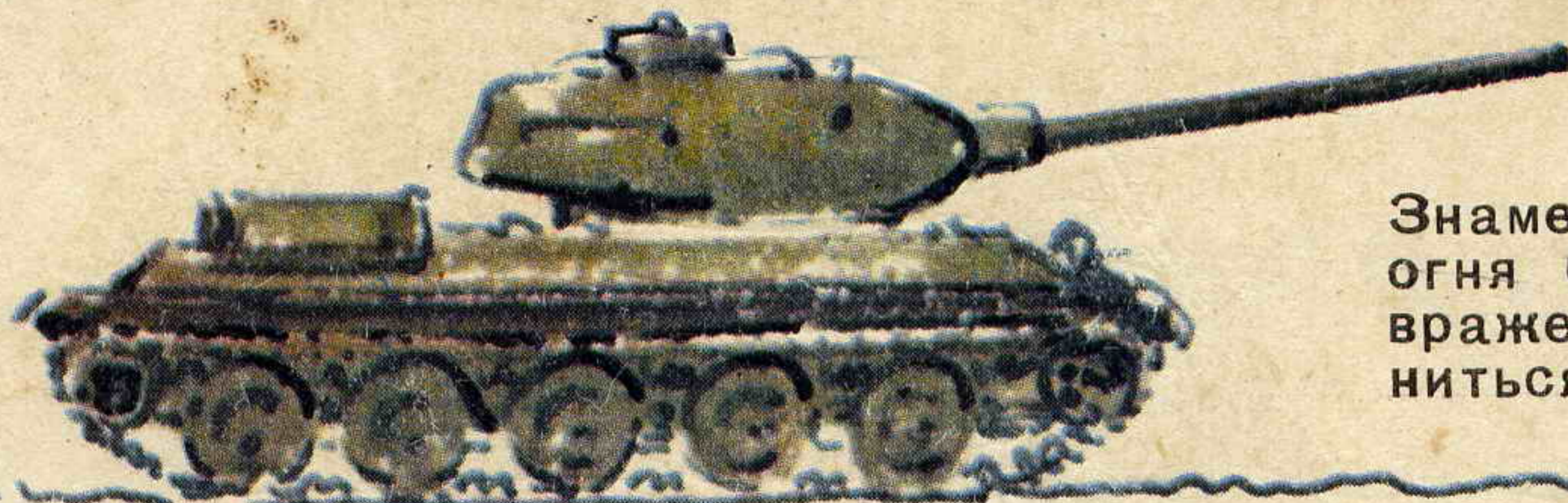
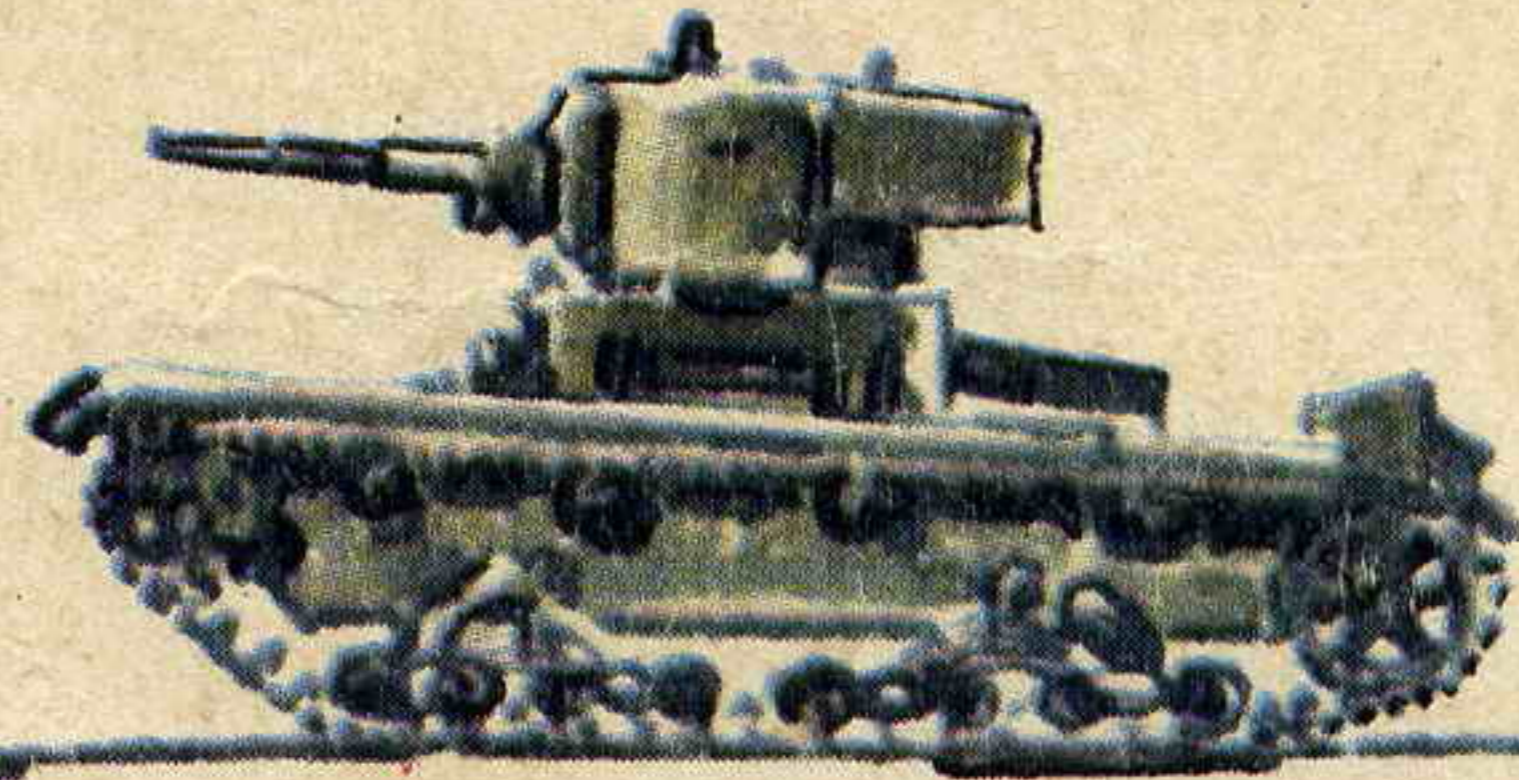

25 коп.

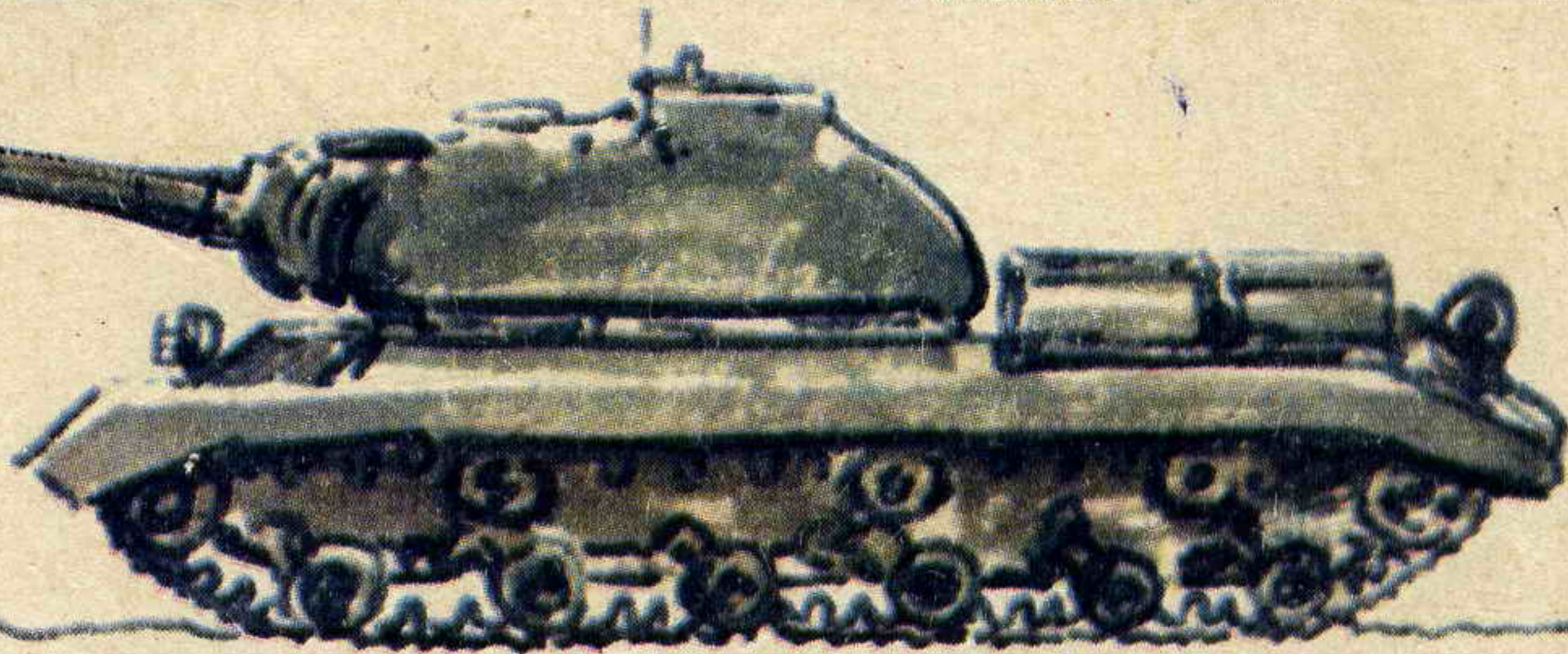
Первый советский танк. Его построили в 1920 году рабочие завода „Красное Сормово“. Танк назывался „Борец за свободу тов. Ленин“.

Такие танки выходили на парад на Красную площадь в предвоенные годы.

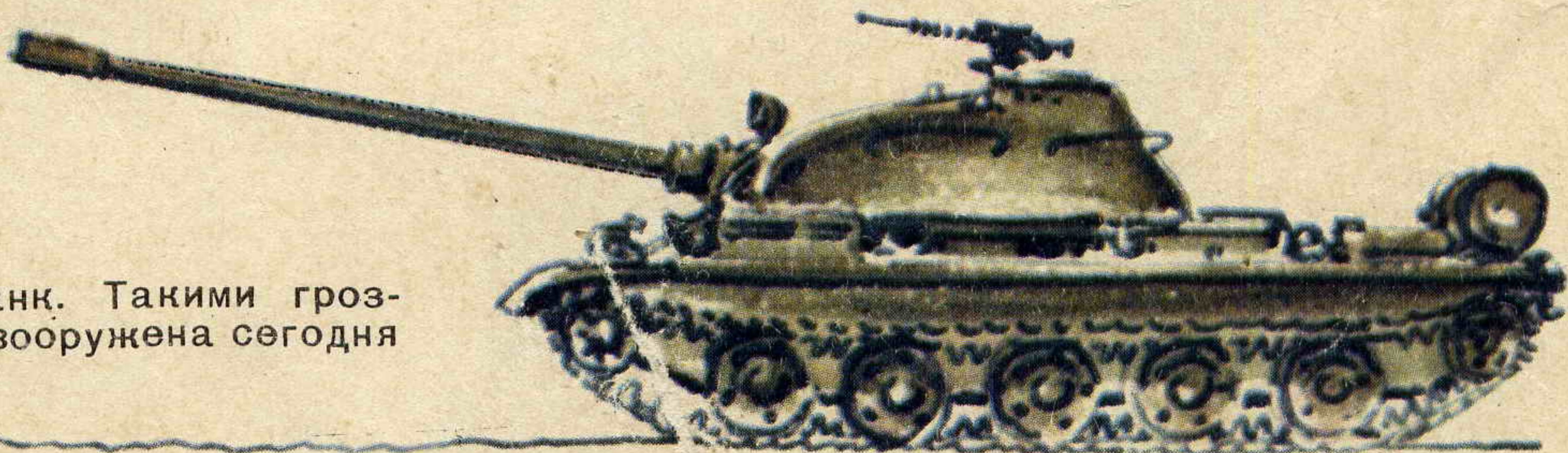
Знаменитый танк Т-34. Его как огня боялись фашисты. Ни одна вражеская машина не могла сравниться с ним.

Тяжёлый танк КВ тоже сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

Лёгкий танк-амфибия. Этот танк умеет не только ходить по земле, но и плавать по воде.

Современный танк. Такими грозными машинами вооружена сегодня наша армия.

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Никольский Борис Николаевич
ЧТО УМЕЮТ ТАНКИСТЫ

Ответственный редактор Д. Б. Колпакова. Художественный редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор Т. С. Филиппова. Корректоры Н. П. Васильева и Л. К. Малявко.

Подписано к набору 15/XI 1971 г. Подписано к печати 5/IV 1972 г. Формат 60×90¹/₈. Бум. № 1. Печ. л. 3,5. Усл. печ. л. 3,5.
Уч.-изд. л. 2,98. Тираж 300 000 экз. ТП 1972 № 74. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства
„Детская литература“ Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика
„Детская книга“ № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, 2-я Советская ул., 7.
Заказ № 170.